

НАСТУПЛЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

(Окончание. Начало 3-й стр.)

Внезапный взрыв Михаила мог сказать очень многое. Но нужен был именно взрыв, чтобы все, о чем не рассказывал драматург, оказалось на сцене и перед зрителями предстал истинный Михаил с его сильными и слабыми сторонами характера. Но у Мокеева взрыва не получилось, и в протесте его прозвучала все та же пассивность.

А сцена героя с Николаем Саловым? Николай грозит, что если Михаил не женится на Нюре, то он ему всю жизнь помает.

Михаил еще весь под впечатлением встречи с Клавой, в нем все должно кипеть, бороться. Логичнее еще взрыва. А как ведет эту сцену Мокеев? Надломленно, сникнув и душой, и телом. Молча покорился. Скажут: «В пьесе для этого нет слов». Но ведь есть артист, его лицо, мимика, движения. Они могут сказать больше и лучше слов, конечно, если артист проник во внутренний мир своего героя, живет его мыслями, чувствами, если он точно знает, что должен донести до зрителя.

Не удался и образ Клавы Камаевой. Но тут виновата уже не только артистка Т. Канунникова. Автор не оставил ей никакой дырки, чтобы выйти за пределы текста. В. Розов железной рукой провел Клаву от начала до конца пьесы как женщину безвольную, пассивную, даже и помышляющую о борьбе за свое счастье, свою любовь. Она вся в одной фразе: «Назад поворачивать разве можно!». Так она отвечает Михаилу на его чистый порыв.

Тут драматург крепко погрешил не только против правды нашей жизни, но и правды образа. Ведь сумела же Клава, когда ей показвалось, что ее чувства к Михаилу ложные, неискренние, порвать эту связь. Честно? Безусловно. Может, чересчур поспешно, легкомысленно, но честно. А вдумчивое отношение к любви приходит не тотчас. Почему бы теперь ей не бороться за правду чувств, за счастье свое и Михаила?

Наконец, что же это за любящая женщина, которая сама отскакивает от любимому, видит всю фальшь его связи с другой, но толкает его в болото!

Чем вызвано такое поведение Клавы? Наверное, не ошибусь, если скажу, что автор просто побоялся, как бы кто не обвинил его в подлых основах семьи. И получается еще хуже: утверждение фальши и лжи. А если прямо: кому пужна такая семья, где все держится на фальши? Мы не за такую семью. Такой «союз» мужчины и женщины нам не нужен, он противоречит нашим принципам, морали, этике.

И вот в такое прокрустово ложе, созданное им же самим, В. Розов атискивает, вслед за Михаилом, и Клаву, заставляя их лгать. Эта внутренняя ложность Клавы, конечно, сковывает артистку Т. Канунникову, мешает ей быть правдивой и искренней на сцене. Все за то, чтобы в сцене с Михаилом Клава села себя совсем иначе, чище, смелее. Но тишина. Вместо протеста против лжи мира Саловых пропелась кучей, измученной идейки: назад поворачивать нельзя... «Осудать». А ломать настоящую большую любовь можно?

Ну, а кто же в пьесе противостоит миру Саловых? Только двое — Василий Заболотный и Рита.

Но Рита, хотя и открыто ненавидит мир Саловых, героиня, как говорится, не того плана, чтобы что-то изменить. Моральная сила ее всещача незначительна. У нее много эмоций, но мало решимости, твердости и самое главное, веры в человека. Образ ее, созданный артисткой З. Притулой, особых возра-

жений не вызывает. Его можно поддаться и так, и этак: мягко, без нажима, показывая Риту, как уже окончательно примирившуюся с судьбой и равнодушной ко всему. Или же так, как это делает З. Притула, — циничной, злобной, огрубевшей, с тяжелой ненавистью на сердце к мужу. Но все же, мне кажется, лучше играть Риту спокойнее, без излишней резкости, грубости и убрать некоторый налет шквенной демоничности.

И еще. Рита, несмотря на всю ее бравуру, независимость, очень несчастна, и эту струнку в ее душе надо заставить звучать сильнее. Тогда Рита станет человеческое и ближе зрителю. А это создаст дополнительную обличающую мир Саловых нотку.

Хорошо ведет свою роль артист Ф. Раздыяконов, но лишь там, где Василий Заболотный веселый остро слов, парень, который еще не нагулся вволю. Но вот он сталкивается с любовью Михаила и Клавы, и в нем происходит внутренний перелом. Василий начинает задумываться над серьезными вещами, от его внешнего легкомыслия не остается и следа. И ты веришь ему, когда он гневно бросает в лицо оставшемуся Нюре страшное обвинение: «Да разве кто из нас о Мишке подумает... Все о себе, о себе каждый... Кулаки внутренне! Ладно, крути те его, перевязывайте! И никто из нас не любит его, вот что. Зверюги!».

Но в этой сцене артист, к сожалению, не сумел подняться до роли страстного общественного обвинителя мира Саловых. Гнев Василия идет только от сердца, от горя за друга, в нем нет осознанной целенаправленности, не чувствуется, что Василий до конца понял, что такие Саловы. А потому есть выстрел, но нет поражения цели.

И в заключение об игре артистки Э. Сумской. Пожалуй, она создала самый впечатляющий сильный образ. Актриса верно схватила внутреннюю сущность Нюры, этого еще не совсем замшелого сколка мира Саловых. В ее Нюру веришь, и в том разоблачающая сила этого образа. Потому-то так страшно смотреть на Нюру — Сумскую в ее сценах с Ритой и Василием. Был человек и нет его, остался только внешний облик.

Но и Сумская не выдержала до конца роль. В финале, отпуская Михаила, она кричит:

— Иди, Миша, иди... Миша мой! Не могу!

Крик этот идет, как подсказывает логика внутреннего развития образа Нюры, от ее истинной, еще не сломленной сути. Нюра еще не осознала свое бессилие перед неизбежностью доброго, разумного, светлого, всего того, чем богата наша жизнь, и что, как ни сопротивляйся, непременно возмьет верх. Она просто сложила оружие перед фактом — Михаил ее не любит, и все. Только перед самим фактом, и испугалась его. Чуть-чуть заглянула в ожидавшее ее будущее и отпрянула. Вот смысл ее крика. У Сумской же нечто совершенно противоположное. По тому, как актриса ведет заключительную сцену, получается, что сама Нюра становится вдруг осознанной выразительницей протеста против мира Саловых, их морали, взглядов на жизнь. Увы, она еще не созрела для этого, и материала для такой эволюции Нюры пьеса не дает, хотя драматург в одном месте и пытается пробить тропинку в этом направлении. Но только пытается и быстро отступает, так как внутренняя правда образа Нюры — против такого решения. Если Нюра не созрела для такой роли, то и поведение Василия Забо-

лотного в финале, его благоговение перед ней не убедительно.

Для чего понадобилось театру такое решение финала? Видимо, режиссер испугался, ах, как бы не обвинили в отсутствии в спектакле светлых образов, положительного, утверждающего начала. Вот совместно с автором он и взгромоздил на пьедестал Нюру, фигуру, совсем не подходящую для такой цели.

И все же в пьесе есть настоящий, сильный положительный герой. Это неодолимая сила наших дней, нашей морали, этики. Правда, создавать этот образ нелегко, составные его разбросаны по всей пьесе, заслонены массой разных бытовых подробностей. Но они есть, хотя собрать их всеюно не так просто.

Театр обязан был взять у автора этого в настоящем смысле Героя и показать его во всей красоте и мощи.

Суть ведь не в Нюре, даже не в Михаиле, а в борьбе между истинно нашим, советским и старым, которое еще кое-где хоронится по задворкам и не только держит оборону, но и пытается наступать при первом удобном случае. Надо проникать во все такие закоулки и наступать на это старое. Театр же ушел в спокойное повествование по принципу: жили-были люди, и вот что однажды произошло. А произошло это потому, что театр неправильно прочитал пьесу, просмотрел направление главного удара. И наступления на мирок Саловых не состоялось.

Ну, спросит меня, а как же быть с утверждением, что постановка, видимо, обесчечен успех? Оно противоречит всей рецензии. Нет! Коллизии, подобные тем, что даны в пьесе, не ходят путь к сердцу зрителя. В ней немало и жизненности, правдивости. Это подкупает. Но на сцене недостаточно одной жизненности, правдивости. Искусство обязано нести человеку большую правду художественного обобщения, правду не фотографа, а творца.

Ю. НОВИКОВ,
театровед.